

ДЕБЮТ

17 ноября исполняется 190 лет со дня рождения нашего замечательного земляка, великого русского актера М. С. Щепкина

ОСЕНЬ 1805 года для шестнадцатилетнего крепостного Михайлы Щепкина складывалась несчастливо. Весь сентябрь и октябрь продержалась теплая сухая погода, и графское семейство лишь в ноябре перебралось из Красного в Курск. Сбегав в первый же день в театр, Михайло с грустью узнал, что худшие его опасения подтвердились: обещанное ему место суфлера уже занято — содержатели театра, братья Барсовы, договорились с другим лицом.

«Горько было для меня узнать это, — вспоминал М. С. Щепкин в своих «Записках актера». — Средство бывать в театре осталось одно, прежнее, т. е. ходить с оркестром музыкантов, нести контрабас или литавры... Но особенно горько было то, что я утратил право свободно входить в театр и самому быть участником в деле.

По счастью, случай... помог мне. В половине ноября актриса П. Г. Лыкова приехала к господам с бенефисной афишей. Граф взял у ней билет в кресло, заплатил 10 руб. ассигнациями... и тут же, обратясь ко мне, сказал: «Миша, проводи г-жу Лыкову в чайную и скажи Паше, чтобы она напояла ее кофеем...».

Между разговором г-жа Лыкова жаловалась, что билеты раздает, а еще не знает, будет ли бенефис, потому что актер Арепьев прислал записку из трактира, что он все платье проиграл и обретается в одной рубашке. «И я, — говорила бенефициантка, — не знаю, милый, что мне делать». При этих словах во мне так все и закипело! Я дрожащим голосом спросил ее: «А что он играет?» — «Андрея-почтаря в драме «Зоя», — отвечала она. Так как прошедшую зиму я суфлировал эту драму и знал ее очень хорошо, поэтому тут же, задыхаясь от волнения, предложил Лыковой: «Позвольте, я сыграю эту роль».

«Да разве ты когда играл на театре?» — «Помилуйте, несколько раз в деревне — на домашнем театре...» — «Да как же, милый мой, — продолжала Лыкова, — ведь бенефис завтра: успеешь ли ты выучить роль; кажется, листа два?» — «Помилуйте, да это безделица»...

В театре принял его предложение, и остаток дня прошел в спешном заучивании роли. На следующий день был спектакль. «Как я играл, принимала ли меня публика хорошо или нет — этого я совершенно не помню. Знаю только, что по окончании роли я ушел под сцену и плакал от радости, как дитя... Этого дня я никогда не забуду: ему я обязан всем, всем!» — восклицал на склоне лет Щепкин, заканчивая в «Записках» рассказ об этом эпизоде своей юности, переломившем всю его судьбу.

Да, для крепостного юноши то было поистине редчайшее

стечение счастливых обстоятельств. Сама роль лукавого и самоотверженного Андрея-почтаря, своей находчивостью и ловкостью помогающего влюбленным Зое и Франвиллю преодолеть все препятствия на пути к счастью, как нельзя лучше соответствовала характеру юного дебютанта, его задору и бьющей край энергии. Она, как говаривали в те времена, словно была «выкроена по средствам» исполнителя.

Пелагея Гавриловна Лыкова, благодаря которой скромный графский секретарь-слуга вышел на сцену, относилась к числу лучших актрис провинциального театра той поры. В игре ее — это особенно важно — намечалось стремление к реалистическому воплощению образа. В 1816 году, например, в «Украинском вестнике» отмечалось, что «г-жа Лыкова играла с чувством и натурально; по фигуре и по всему походила на старую крестьянку». После удачного дебюта Щепкина стали приглашать для участия в спектаклях Курского театра. Во многих из них играла и П. Г. Лыкова. И это общение несомненно благотворно влияло на становление таланта начинающего актера.

Тогда же родилась дружба Щепкина с Барсовыми. Старший из трех братьев, Михаил Егорович, был уже вольным человеком, а младшие оставались в крепостной зависимости. И Щепкин, удивляясь, отмечал: «С ними и их господа и весь город обходились не так, как с крепостными, да и они сами вели себя как-то иначе, так что я даже завидовал им и все это приписывал не чему иному, как именно тому, что они актеры, а потому быть актером — была главная моя цель». Пример братьев Барсовых указал Щепкину едва ли не единственный путь из крепостной неволи.

Наконец, о Курском театре, антрепренерами которого были в начале 1800-х годов братья Барсовы. В щепкинских «Записках» нет описания театрального помещения. До наших дней не дошло даже изображения первого Курского театра — фотографического снимка, гравюры или хотя бы карандашной зарисовки. Представление о нем дает лишь небольшая брошюра «Театр в Курске», отпечатанная в 1887 году в типографии губернского земства. Теперь это издание — большая редкость.

Брошюра сообщает, что построен Курский театр был в 1792 году. Помимо антрепренерской труппы здесь выступали драматические, оперные и балетные труппы курских помещиков. Происходило это обычно во время дворянских выборов, когда владельцы обширных поместий и многих сотен крепостных душ съезжались в губернский город. Каждый, кто имел собственных ак-

теров, старался «во что бы то ни стало щегольнуть ими». Далеко окрест известны были артисты и музыка графа Волькенштейна, Анненкова, Нелидова, Хорвата.

Последний владел богатыми поместьями под Борисовкой, в селе Головчино выстроил театр. И брошюра свидетельствует: «Труппа г. Хорвата пользовалась известностью не только в Курской губернии, но и во всей России. Она состояла из оперы, драмы и бадета; число всех артистов, статистов и музыкантов доходило до двухсот человек. Все артисты труппы г. Хорвата получали сценическое образование следующим образом: крестьянских детей, по усмотрению заведующего театром, брали в домашнюю театральную школу; если у кого оказывалась недюжинная способность, его отправляли в Петербургскую школу; из нее крестьянские дети, взятые от сохи, выходили артистами».

А вот описание самого театра: «Курский театр... имел многие неудобства: помещение было холодное, или почти холодное, с царствовавшим в нем постоянно сквозным ветром; коридоры узкие: выход из лож и партера — один и, наконец, ход на галерею был очень крут, с порошками и до того узкий, что в нем едва могли разойтись двое; а между тем, на галерее, т. к. места были нумерованные и скамей не было, зрительные было много; особенно в праздничные дни зрителей бывало столько, что мителю ними, буквально, негде было пальца просунуть».

Пьесы ставились разнообразные: трагедии, драмы, комедии; ставились и волшебные пьесы с превращениями и провалами. Но т. к. на сцене машин и люков не имелось, представление волшебных пьес не проходило без казусов: чему, по ходу пьесы, следовало провалиться, то по образу пешего хождения скрывалось за кулисы, а что должно было пролететь, то вылетало на сцену, да так и оставалось до конца картины, возбуждая смех у публики и смущение в артистах...».

Театр этот сгорел зимой 1875 года. Пожар, длившийся двое суток, распространился и на дом дворянского собрания. Вместо этого дома через два года выстроили новое здание, но в нем уже не нашлось места театру. Представления возобновились в манеже, который довольно долго перестраивали. Здесь Курский театр функционировал до 1927 года, когда ему, наконец, выделили более удобное помещение. В старом здании оборудовали кинотеатр имени М. С. Щепкина. Имя прославленного артиста носит и улица, проходящая возле этого старинного здания в сегодняшнем Курске.